

«Через сугробы и столетья...»

Словно кровно твоими становятся строки,
поражающие простотой и провиденьем

В 1960 ГОДУ, когда вышла его первая книжка «Молодость», многие поэты, с которыми Владилен Машковцев начинал свое поэтическое подвижничество – только так, на мой взгляд, можно определить любое творчество, тем паче литературное, уже мечтали покинуть Урал.

Осуждать за это? Ни боже мой! У каждого свои дали, свои прицелы и надежды. Поначалу для меня оставалось загадкой, почему Владилен остался верен и родному краю, и городу, возрадившему его. Прихожу к какой мысли? В самом начале творческого пути он удачно ощутил, возможно, тогда просто интуитивно, свет своего жарптицева пера. И две искорки – рабочая тема и казачья история уральской земли – стали в творчестве Машковцева поистине золотыми жилами. С их разработки он начинал свой запев в литературе, им он верен был до конца. Немногие, увы, отличаются и такой преданностью, и последовательностью. Голос поэта со временем приобрел своеобразие и выделился из общего провинциального хора. Думаешь, это и позволило Василию Федорову написать в рекомендации студенту литинститута для вступления в союз писателей: «Поэзия В. Машковцева стала определенным явлением».

Забыв на время об эпитетах, хочется более внимательно разобратся в поисках поэтом собственной творческой концепции. Валентин Сорокин, с которым Машковцева связывали годы дружбы, давным-давно, говоря о своем поколении, отметил: «... мы идем по жизни так, что даже искры высекают каблук».

В этом задоре – точность передачи настроения, с которым пришло в поэзию молодое поколение литераторов в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов прошлого столетия. У них была уверенность не только в своих силах. Как правило, уже познав трудовую школу жизни, они чувствовали, о чем говорить со своим поколением. И разговор получался откровенным, бескомпромиссным. Стихи читались, вызвали споры,

приводили к раздумьям. Это окрыляло. И закрепляло наметившийся успех, отсеивало то сиюминутное, декларативное, что для истинной поэзии не просто чуждо, но и таит серьезную опасность потери чувства времени, причастности к его проблемам, тревогам, заботам. Счастлив поэт, сумевший перешагнуть эту в общем-то естественную при формировании творческого начала прописку литавр, меди.

Постепенно подобная шелуха вытраивалась Машковцевым из мировосприятия. И все яснее проступал естественный человеческий голос с лукавством и озорством. Подобное всегда дается нелегко. В раздумьях о писательском назначении Юрий Казаков приравнивал движение души художника к подвигу, рожденному в глубинах творческого подсознания и свидетельствующему об истинной зрелости мастера. Конечно, к каждому это приходит в свой черед. Возможно ли, чтобы такого внутреннего анализа и отбора в душе молодого поэта не произошло? Да, возможно. Многие стихи первых

книжек Машковцева настораживали. Но уже тогда в его поэтическом портфеле появились и «Веселая исповедь», и «Меня в лесу березка родила...» с дивными строками, которые не рождаются в случайности. В них ощущался вкус к истинно русскому слову и образу, дерзкая смелость.

*Будет сердце бешено биться,
будет что-то не по плечу,
но кричащей огненной птицей
в трудный час над Россией*

взлечу.

Такое сказать по плечу не каждому. А поэт был уже на подступах к созданию поэмы «Лицом к огню», значение которой очень точно охарактеризовано старшим собратом по перу Н. Кондратовской в одной из рецензий тех лет: «Лицом к огню» – одна из немногих поэм, вошедших в эпическую антологию магнитогорской поэзии». Я не поддерживаю взгляда, что поэзия делится на категории магнитогорской, московской... Поэзия есть поэзия. Школы – другое дело. Но здесь уже все связано с

личностью: ее открытиями, убеждениями, утверждениями. Поэтический пласт магнитогорских поэтов особый в литературной жизни России, еще недостаточно исследованный, но всеми признанный. Среди его глубинных рудных жил блестящая поэзия Б. Ручьева, М. Люгарина, Л. Татьяничевой. Духовное начало тысяч людей, строивших не просто город, не просто металлургический гигант, а себя в новом укладе жизни. Именно тогда появилось такое емкое понятие, как магнитогорский характер. Постигание его тайных пружин – задача далеко не простая. Многие пытались ее решить, но не многим она, увы, давалась. Чаше всего, к сожалению, рассматривали лишь то, что зримо лежит на поверхности. А мне видится совершенно иным подход в целом как к понятию «магнитогорский характер», так и к преломлению его через призму поэтического восприятия. Лишь тогда в строках услышатся и горький плач Татьяничевой, и глухая усталость души еще юного Ручьева, и сердечная боль только что начавшего открывать свой мир Люгарина... Так что рабочая тема ой как непроста. И если служить ей честно, го еще можно поспорить, кому в поэзии живется спокойнее и прибыльнее.

Каждый в творчестве открывает свою неизведанную страну. Для Владилена Машковцева ею стала Магнитка. Словно он соприкоснулся с тем, чем жила его душа, чего искала и наша. А на скрещении этих путей и вспыхнула поэзия гражданского накала. Именно в этом нужно искать истоки того, что поэт остался преданным своей теме, своему городу, рабочему классу Магнитки.

Истинная любовь к родному краю, благородное постижение его нелегкой истории привели и к созданию «Казачьих гуслей», показавших и неисчерпаемость творческого потенциала, и умение подойти к новой теме с прежней трепетностью и благоговением. Первое прикосновение к этой золотой россыпи наметилось у Машковцева давно, но потребовались годы, чтобы не просто изучить старину, все отголоски далекой эпохи, а развернуть во всю ширь, во всю удаль образность и буйство красок казачьей вольницы, приумножившей добрую славу Каменного пояса.

Поистине щедрa земля родного крова. В этом убеждаешься всякий раз, вчитываясь в поэтические строки трех последних сборников: «Оранжевая магия», «Магнитная гора», «Самоцветы». И здесь, пожалуй, отраден не столь даже их выход в свет, а сохранившаяся в душе поэта лирическая настроенность, к счастью, не зачерствевшая с годами в житейских бреднях, не потерявшая чуткости ко времени и нежности к человеку. Это и рождает шемпящие строки:

*Вновь кто-то разбивается,
как птица,
кому-то перед смертью
снится мать.*

*На всю Россию пахнет медуница,
когда приходит время умирать.*
Держать на таком высоком накале каждое стихотворение просто невозможно. Да автор и не стремится к этому. Он чаще лукаво посмеивается, увлекает щедростью народного говора, его притчами, легендами, казачьей былинностью – истинными самоцветами земли уральской, родной нам всем и памятной. Сила ее и дух – вот, думается, тот стержень, который и лег в глубину основу большинства написанного в сборниках.

Скупые легенды, глухой отзвук ратных подвигов да изумительная чистота песен слабеющим эхом еще тянутся к нашим дням, нашему сознанию, нашим сердцам. Как здесь не вспомнить светлое отношение Пушкина к истории Яицкого края: «Доныне просвещенные и гостеприимные жители уральских берегов пьют на своих пирах здоровье бабушки Гугенихи». И Машковцев через столетие просто и незамысловато продолжил полубыль, полупеленду:

*С Гугенихи в казачестве начало,
коли вру, сдохнет конь
мой чалый.*

*Выпей, друг мой,
в час добрый и тихий
за здоровье бабки Гугенихи.
С Гугенихи любовь распочата,
баб не губим, растут казачата...*

Казачество Камня... Оно и в сказах П. Бажова. Его история в трилогии «Каменный пояс» нашего земляка Е. Федорова. Но в стихотворном ключе казачьи были и небыли зажили, лукаво мудрствуя, впервые у В. Машковцева:

*Трепещут в пляске кони бойко,
у коренного храп сердит.
Опять летит по тракту тройка,
как удаль русская, летит...
На ветер гикну, свистну плетью,
я сам себе – великий суд.
Через сугробы и столетья
нас воронье пронесут.*

В своем развитии история, как правило, не повторяется. Поэтому каждый ее штрих, каждый виток требует к себе достойного внимания и уважения, честной правдивости в освещении событий. Только при этом неперенном условии она из анахронизма становится современной, помогая осмыслить проблемы, созвучные времени и духу его. И как бы стихи своим первородством ни завораживали, наступает час вживания в их смысл, породнения с ними. Тогда поэзия и достигает истинной цели, природного предназначения. Все лишнее уходит, остается литое, цельное... И все чертовски смещается, и символы не дают покоя. Словно кровно твоими становятся строки, поражающие простотой, провиденьем:

*...Уронит с криком сокол перья,
и превратится в омут брод.
Но Гугачев, в удачу веря,
навстречу гибели пойдет.*

*Он кликнет пламенным
пророком,
подняв клинок в лихом броске:
– С Магнит-горы одна дорога,
дорога к матушке-Москве!*

Впрочем, всего Владилена не процитируешь. Да и ни к чему. Его надо читать.

Создатель, творя нас, что-то не успел доделать, долепить, додумать. Так и живем в сложном противоречии, ничего не приукрашивая, здраво воспринимая промашки всевышнего. Книга, рожденная уже своим создателем, тоже безгрешной не бывает. Щедро и много всего разбросано по страницам у Машковцева. Словно поэт выношенное, выстраданное свалил в добрую горюшку, на минуту присел отдохнуть да задумался... А там новые дела, новые замыслы... И заспешил уже к ним, с беспечностью истинно русского, не оглядываясь на созданное, сотворенное. Нам лишь остается загадку разгадывать ☺

ОЛЕГ ВИЛИНСКИЙ

«ММ»-ДОСЬЕ

ВЛАДИЛЕН ИВАНОВИЧ МАШКОВЦЕВ – ровесник Магнитки. В 1947 году после окончания школы ФЗО Тюмени приехал в Магнитогорск. Работал слесарем на ремонтно-механическом заводе треста «Магнитострой», после службы в армии – машинистом турбин центральной электростанции ММК.

Первые стихи опубликовал в городской газете в 1955 году, первая книга «Молодость» вышла в Южно-Уральском издательстве в 1960 году. При жизни изданы двенадцать книг, включая роман «Золотой цветок-одолен». А после смерти вышел второй роман «Время Красно-го Дракона», книга «Сказы казачьего Яика». Регулярно публиковался в местной и центральной прессе (стихи, эссе, публицистика, исторические очерки), в журналах, альманахах, антологиях.